

лось требование «не усыплять, а держать народ все время в боеготовности». Московский критик Н. Куплевацкий в статье «Против шапкозакидательства» сделал вывод, что произведения оборонной тематики отличаются «козьмакрючковщиной» и «шапкозакидательством», а враг обязательно изображается «тупоголовым, нерасчетливым..., что скорее ослабляет чувство бдительности, нежели заостряет его»[20].

Морально-психологическая подготовка в межвоенный период была одной из составляющих воспитательной работы, с помощью которой руководство страны оказывало влияние на личный состав и постоянно воздействовало на него. Однако она развивалась не в том направлении, основной ее задачей было восхваление мероприятий, проведенных руководством страны.

### Примечания

1. XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет [Текст] – М., 1935. – С. 198.
2. Правда. – 1938. – 17 ноября. – С. 2.
3. Там же. – С. 4.
4. М.И. Калинин о воспитании советских воинов [Текст] – М.: Воениздат, 1975. – С. 95.
5. XVIII съезд ВКП(б): Стенографический отчет [Текст] – М., 1939. – С. 146.
6. Российский государственный военный архив (далее РГВА). – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 505. – Л. 598-599.
7. Двухлетняя программа политзанятий с красноармейцами: сборник приказов и циркуляров Политического управления РККА СССР [Текст] – М., 1929. – № 16. – С. 134.
8. Там же. – С. 133.
9. Временный полевой устав РККА. 1936. (ПУ-36) [Текст] – М., 1937. – С.9; Советские Вооруженные Силы. Вопросы и ответы [Текст] – М., 1971. – С. 197 – 198.
10. Панасовский, В.Е. Герои Хасана и Халхин-Гола: К 50-летию событий [Текст] – М.: Знание, 1989. – С. 29.
11. См.: Идеологическая работа в Вооруженных Силах СССР: Историко-теоретический очерк [Текст] – М., 1983. – С. 154.
12. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 427. – Л. 36.
13. См.: Там же. – Оп. 40. – Д. 54. – Л. 141; Л. 144.
14. Вооружиться опытом партийно-политической работы в боевой обстановке [Текст] // Партийно-политическая работа в РККА. – 1938. № 20. – С. 1-6.
15. Приказ народного комиссара Союза ССР № 0040 [Текст] // Военно-исторический журнал. – 1990. – №1. – С. 86.
16. Цит. по: Как мы били японских самураев: сборник статей и документов [Текст] – М., 1938. – С. 21.
17. См.: Осьмачко, С.Г. Армия в локальных войнах и военных конфликтах (1929-1941 гг.): боевой опыт и военная политика [Текст] / С.Г. Осьмачко – Ярославль, 1999. – С. 107.
18. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 394. – Л. 347.
19. Там же. – Д. 505. – Л. 255.
20. См.: Там же. – Л. 326.
21. Правда. – 1939. – 19 апреля.

О. Е. ФЕОФАНОВ

### Политика советского государства в отношении частного капитала в годы социалистической индустриализации (по материалам Ярославской губернии)

*Показана политика руководства СССР в 1925-1928 гг. по ограничению деятельности и фактической ликвидации частного капитала на территории Ярославской губернии.*

*The policy of the management of the USSR during 1925-1928 on restriction of activity and actual liquidation of the private capital on territories of the Yaroslavl province is shown.*

В конце 1925 года Советское государство подошло к новому этапу своего развития. Курс на индустриализацию, принятый XIV съездом партии, знаменовал окончание восстановительного периода в жизни страны и начало наступления на капитализм в решающей сфере народного хозяйства – материальном производстве. Решение этой задачи

было сопряжено с преодолением серьезных внутренних и международных трудностей.

Наряду со структурой и темпами развития промышленности одной из основных в экономической стратегии социалистической реконструкции являлась проблема накопления капитала. При отсутствии внешних кредитов советское руководство должно было изыскивать внутренние ресурсы для создания

материально-технической базы социализма. XV конференция ВКП(б), открывшаяся в конце октября 1926 года, конкретно перечислила основные каналы накопления средств для индустриализации: «Тема расширения основного капитала будет зависеть: а) от размеров накопления обобщественной промышленности; б) использования через государственный бюджет доходов других отраслей народного хозяйства; в) использования сбережений населения путем вовлечения их в кооперацию, в сберегательные кассы, внутренние государственные займы, кредитную систему и т. п.» [1].

На первом этапе социалистической индустриализации (1926-1927 гг.) важной задачей экономической политики партии являлось использование денежных средств частных лиц и юридических компаний. В интересах стимулирования частного капитала ЦИК СССР и СНК СССР в конце января 1926 года отменили ограничения размера имущества, могущего переходить в порядке наследования и дарения. Вместе с тем устанавливался налог с такого имущества [2]. Это привело к некоторому усилению роста нэпманских элементов. Отметив довольно значительные, хотя и уменьшающиеся позиции частного капитала в области торговли (22% во всем товарообороте и около 40 % в розничной торговле), февральский пленум ЦК ВКП (б) 1927 года вместе с тем подчеркнул, что «было бы переоценкой своих сил и забеганием вперед, если бы мы ставили себе задачу теперь же совершенно вытеснить частный капитал с рынка и сконцентрировать в руках кооперации и торговли все 100% товарооборота» [3]. В этой связи ставилась задача осуществлять эффективный государственный контроль за доходами физических и юридических лиц. Однако государственное регулирование затруднялось плохой постановкой учета частнокапиталистических элементов. Не случайно СНК СССР 31 декабря 1926 года принял постановление «Об учете деятельности частного капитала», возложив на Центральное статистическое управление (ЦСУ) обязанность разрабатывать и анализировать сведения о частном капитале, представляемые отдельными ведомствами и предприятиями [4].

В начале 1927 года Советское государство усиливает натиск на частных владельцев, применяя административные методы. Сессия

ЦИК СССР (14-25 февраля 1927 г.) сочла необходимым более решительно вытеснить частного торговца. С мая 1927 года временный налог на сверхприбыли частных предприятий стал постоянным.

За период с XIV до XV съезда партии доля частнокапиталистических элементов в городе в оптовой торговле упала с 9,4 до 5,1%, в розничной – с 42,7 до 32,6%, в ценовой промышленности она снизилась не только относительно (с 3,9 до 2,4%), но и абсолютно (с 469 до 165 миллионов рублей.) [5].

Для социалистической эпохи характерна крайне высокая степень централизации экономики. На первый взгляд могло показаться, что на местах происходило механическое копирование всего, что делалось в центре. Споры нет: приказная система набирала обороты, инициатива не поощрялась. В то же время в истории отдельного региона, как в капле воды, отразилась полная драматизма экономическая история советского государства. Не является исключением и Ярославская губерния, которая в 1929 году вошла в состав Ивановской промышленной области.

Во второй половине 20-х годов в СССР сложились предпосылки для успешного функционирования фондового рынка: рубль стал устойчивым, кредитно-денежная политика правительства вызывала все большее доверие частных лиц. Однако путь к эффективному инвестированию без применения мер экономического принуждения лежал только через признание прав на существование частного предпринимательства де-факто и де-юре. Рассмотрим состояние частного капитала в 1926-27 гг. на примере Ярославского общества взаимного кредита, созданного в 1923 году.

Общества взаимного кредита (ОВК) – одна из немногих форм, в которых частному капиталу было дозволено существовать до конца 20-х гг. В отчете Ярославского общества взаимного кредита было открыто заявлено, что оно обслуживает частную торговлю и промышленность [6]. Однако в своей деятельности это Общество сталкивалось с немалыми проблемами. В частности, усилился нажим наркома финансов, который выражался в запрещении выдачи кредита Госбанком, ограничении процентных ставок по депозитам. Негативно отразилось на деятельности обществ административное, насильственное

сокращение частных торговых заведений и акционерных промышленных предприятий.

Тем не менее, несмотря на все препятствия, Ярославское ОВК закончило финансовый год достаточно успешно. Однако правление Общества выразило сомнение в том, что в следующем (1927/28) финансовом году удастся столь же эффективно вести дела. «Политика правительства направлена на дальнейшее постепенное вытеснение с рынка частной торговли и промышленности и замены их кооперативной и государственной. Это вытеснение проводится ... главным образом путем налогов и отказа государственных органов в отпуске некоторых товаров частным торговцам. В районе деятельности нашего Общества в последнее время заметно напряженное состояние торгующих лиц и товариществ. Этому способствуют, с одной стороны, довольно большие налоги, с другой – недостаток на рынке промышленных товаров. Торгуют почти исключительно товарами кустарного производства, да и те приходится разыскивать иногда на далеком расстоянии. Наблюдается сокращение частной торговли, а для расширения ее в дальнейшем нет никаких данных. Все это не может не влиять на дела нашего Общества, обслуживающего частную торговлю и частную промышленность, а потому Правление с таким оптимизмом, как в прошлом году, смотреть на будущую работу Общества в 1927/28 операционном году не может» [7].

Таким образом, вполне очевидно, что советское правительство отказывалось решать проблему товарного голода в стране путем допуска частного капитала в промышленность. Это привело к резкому снижению налоговых поступлений от частных лиц, столь необходимых для индустриализации.

Другой негативной стороной экономической политики большевиков являлось то, что частный капитал перестал доверять ценным бумагам правительства. В отчете Ярославского общества взаимного кредита за 1926/27 год было отмечено, что за данный период операций по покупке государственных процентных бумаг практически не было. Исключение составляет принудительная подписка на облигации на сумму 1545 рублей. В то же время общество активно распродало облигации: в 1926/27 году было продано государственных облигаций на сумму 22100

рублей [8], что подтверждает факт недоверия ОВК государственным ценным бумагам.

Примером жесткого вторжения советского правительства в сферу действия экономических законов может служить политика снижения цен на товары, которая рассматривалась как «средство, с помощью которого рабочий класс воздействует на снижение себестоимости, заставляет хозяйственные организации увеличивать свою маневренность, проталкивает рационализацию производства и тем самым создает действительно здоровый источник накопления» [9].

Анализируя политику большевиков, следует отметить, что они недооценили дефицитность такого ресурса, как предпринимательская способность, которая существует в каждом обществе в ограниченном количестве и действует лишь при определенных условиях. Предпринимательство, развернувшееся в условиях нэпа, было парализовано государственной волей, и его не могло заменить ни планирование в глобальных масштабах, ни привлечение государственных средств в сфере социалистического строительства. «Замораживание» и тем более государственное снижение цен без учета действия закона спроса и предложения никогда не приносили позитивных результатов. Снижение товарных цен должно опираться на снижение себестоимости в производстве. В свою очередь, снижение себестоимости продукции промышленности должно было явиться непосредственным результатом технической реконструкции и рационализации старых заводов и строительства новых, результатом повышения производительности труда. В 1928/29 г. большевикам удалось снизить себестоимость промышленной продукции на 4,4% при задании в 7%. Таким образом, план снижения себестоимости продукции был выполнен лишь на 63% [10].

Вследствие повышенного спроса на промтовары и государственного вмешательства в политику цен отпускные цены на товары стали расти, особенно на металл и металлические изделия. В связи с высокими торговыми наценками в кооперации и других торгующих организациях розничные цены также возрастают. Наибольшей величины розничный индекс на промтовары достиг к маю 1926 г. – 2,71 против 2,25 в 1925 г. [11].

Постановление Совета Труда и Оборона от 2 июля 1926 г. обязывало хозяйственные организации установить предельные накладки, снизить цены на 10% [12]. Однако данное постановление не было выполнено, и оптово-розничные «ножницы» еще больше раздвинулись.

Пленум ЦК ВКП (б) в феврале 1927 г. разработал мероприятия по снижению себестоимости и розничных цен. В ходе этого процесса снижение цен было произведено главным образом (почти на две трети) за счет торговли и в меньшей мере (около одной трети) за счет снижения отпускных цен, т. е. за счет промышленности.

Политика снижения цен сталкивалась с трудностями, которые и следовало ожидать в результате реакции рынка. В «Известиях Ярославского губкома ВКП(б)» с тревогой отмечалось, что ряд организаций снижает цены не за счет режима экономии, а за счет снижения размеров капиталонакопления, то есть эффект получился противоположным желаемому. Кроме того, наблюдался рост арендных ставок, налогов, транспортных расходов, всего того, что препятствовало, а не способствовало промышленному подъему [13].

Тем не менее, большевики не отказались от политики снижения цен. При этом средства использовались чисто политические. Руководителей, препятствующих резкому снижению цен, привлекали к партийной ответственности, независимо от того, имели они уже взыскания по служебной линии или нет. «Партия и правительство дали практические директивы и требуют их безоговорочного выполнения» [14].

Грубое вмешательство правительства в сферу частного капитала привело к исчезновению частных финансовых компаний. Так, если в 1926/27 финансовом году общества взаимного кредита существовали в Ярославле и Рыбинске и сумма баланса Ярославского общества составляла 77,58 тыс. рублей [15], то по итогам 1928 г. на территории Ярославской губернии существовало в качестве наиболее крупного частного финансового учреждения только Ростовское общество взаимного кредита. Сумма его баланса в 1927 г. составляла всего 43 тыс. рублей, а в 1928 г. и вовсе 24 тыс. рублей [16].

У государственных банков данный показатель финансовой деятельности был в пять раз больше, но если учесть, насколько благоприятны были условия, созданные для государственных банков и, напротив, крайне неблагоприятны для частных финансовых организаций, приходится удивляться, что еще в 1928 г. можно было найти в стране организации, подобные Ростовскому обществу взаимного кредита.

Таким образом, политика государственного администрирования привела фактически к полному уничтожению частных финансово-кредитных компаний. Доля частнокапиталистических элементов в торговле и промышленности ежегодно снижалась. Новая экономическая политика потерпела крах. Наступила эпоха государственно-казарменного социализма.

#### Библиографический список

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК [Текст]. 8-е изд. – М., 1970. – Т. 3. – С. 366.
2. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических республик, издаваемое Управлением делами Совета Народных Комиссаров Союза СССР и СТО [Текст]. – М., 1926. – № 6. – С. 37-39. (Далее: СЗ СССР).
3. Цит. по: Кузьмин, В. И. В борьбе за социалистическую реконструкцию 1926-1937: Экономическая политика Советского государства [Текст]. – М., 1976. – С. 31-32.
4. СЗ СССР [Текст]. – М., 1927. – №2. – С. 25.
5. Кузьмин, В. И. Указ. соч. – С. 32.
6. См.: Там же. – С. 33.
7. См.: Отчет Ярославского общества взаимного кредита за 1926/27 гг. (3-й операционный год.) [Текст]. – Ярославль, 1927. – С. 13.
8. См.: Там же. – С. 13.
9. См.: Там же. – С. 13.
10. Лященко, П. И. История народного хозяйства СССР [Текст]. – Т. 3. – М., 1956. – С. 232.
11. Лященко, П. И. Указ. соч. Т. 3. – С. 233.
12. Собрание Узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР, издаваемого НКЮ [Текст]. – М., 1926.– № 51. – С. 374.
13. Известия Ярославского губкома ВКП (б) [Текст]. – 1927. – №3. – С. 2.
14. См.: Там же. – С. 2.
15. Отчет Ярославского общества взаимного кредита... – С. 79.

16. Ярославский округ Ивановской промышленной области. Экономический и культурный обзор [Текст]. Ярославль, 1980. – С. 79.